

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
Введение.	
Происхождение человека и культуры.....	7
Культ и культура.....	10
Культура – главная причина появления человека.....	13
Символ и культура.....	19
1. Культура и бытие.....	25
2. Культура и цивилизация.....	35
3. Концепции культурного кризиса.....	47
4. Культура и революция.....	62
5. Типы культур.....	76
Средневековая культура.....	76
Советская культура.....	88
Постсоветская культура.....	102
6. Массовая культура.....	107
7. Контркультура и субкультура.....	118
Контркультура.....	118
Субкультура.....	125
8. Мультикультурализм.....	131
9. Культура и природа.....	141
10. Культура и творчество.....	157
Вместо заключения.	
Культура и сверхкультура.....	178

Предисловие

Культура – это специфический мир, который человек создает, чтобы поддерживать себя в своем искусственном, т. е. человеческом, состоянии. Культура – необходимая составная часть человека, не менее важная, чем его биология или физиология. Нельзя ничего сказать о человеке, не осмыслив саму сущность культуры и те механизмы, которые порождают человеческую природу и историю.

Вторая природа, как часто называют культуру, так же загадочна, как и первая, она столь же мало может быть рационализирована и препарирована в научных понятиях. Ее внутренняя сущность приоткрывается перед нами скорее в интуициях художников и философов, на основании которых можно строить некоторые гипотезы о специфике человеческого бытия.

В любом времени существует много культур и множество интерпретаций того, что называется культурой: мировая и национальная культура, сельская и городская, элитарная и массовая, научная и популярная, политическая и художественная. Каждый человек может одновременно принадлежать нескольким культурам, отдавая значительную часть времени жизни какой-то одной. Иногда появляются особо одаренные люди, достигающие значительных успехов в нескольких областях культуры, например Леонардо да Винчи, П. Флоренский.

В данной работе мы рассматриваем культуру как объект философии: что такое культура вообще? Каковы необходимые составные части любой культуры? Как возникла культура и почему ее существование все время потрясают кризисы? Существует ли прогресс в культуре, или количество великих культурных достижений в каждую эпоху приблизительно одинаково? Наконец, кто такой этот «культурный» человек и чем он отличается от «некультурного».

В своем изложении мы опирались на концепции и тексты философов Т. Адорно, Н.А. Бердяева, Ж. Бодрийяра, С.Н. Булгакова, Э. Гуссерля, А.Ф. Лосева, В.В. Розанова, Х. Ортега-и-Гассета, С.Л. Франка, М. Хайдеггера, П.А. Флоренского; историков А.Я. Гуревича, Ф. Ле Гоффа, А. Тойнби,

О. Шпенглера; культурологов К. Гирца, Г.С. Кнабе, И.В. Кондакова, Л. Уайта, Л. Мамфорда, Т. Роззака, Эдварда Саила; социологов П. Сорокина, З. Баумана, Н.Н. Козловой, Ю. Левады, М. Вебера, Ч. Тейлора, А. Шюца; писателей и литературоведов А. Белого, Е. Добренко, В. Пелевина, В. Шаламова; психологов З. Фрейда, Э. Фромма, К. Юнга и других.

Введение.

Происхождение человека и культуры

В определенный момент эволюции животных произошел уникальный прорыв, сравнимый с возникновением материи, с зарождением жизни, с первым появлением живого существа. Это событие смогло произойти тогда, когда в ходе эволюции действие перестало определяться преимущественно инстинктом, когда природная адаптация потеряла принудительный характер, когда действие уже перестало быть закрепленным наследственно передаваемыми механизмами.

«Когда животное, – писал Э. Фромм, – возвысилось над природой и, преодолевая чисто пассивную роль “твари”, стало (с точки зрения биологии) самым беспомощным животным, – произошло рождение человека»¹.

В этот момент животное освободилось от природы, приняв вертикальное положение, его головной мозг развился намного больше, чем у высших животных. Это рождение человека, возможно, длилось сотни тысяч лет. Как весь человеческий род, так и каждый индивид вынуждены решать проблему собственного рождения. Физическое рождение отдельного человека отнюдь не является таким решающим и исключительным событием, каким кажется. Конечно, оно знаменует собой важный переход от внутриутробного существования к жизни вне утробы матери, но во многих отношениях ребенок и после рождения остается таким же, каким был до него: он не может различать окружающие его предметы, не может сам есть; он полностью зависит от матери и без ее помощи погиб бы. По существу, процесс рождения продолжается. Ребенок начинает узнавать предметы внешнего мира, эмоционально реагировать на внешние воздействия, брать в руки вещи, координировать свои движения, ходить. Но этим еще не заканчивается процесс рождения. Ребенок учится говорить, пользоваться вещами, познает их назначение, учится вступать в отношения с другими людьми, избегать наказания и заслуживать расположение

---

¹ Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура: Избр. труды К. Хорни и Э. Фромма. М., 1995. С. 292.

и похвалу, понемногу учится любить, развивать свое мышление, объективно смотреть на мир. Таким образом, рождение – в общепринятом значении этого слова – всего лишь начало рождения в более широком смысле. Вся жизнь индивида есть не что иное, как процесс рождения самого себя. По существу, полагал Э. Фромм, мы должны были бы полностью родиться к моменту смерти, но судьба большинства людей трагична: они умирают, так и не успев родиться.

Рождение человечества – это рождение культуры. Рождение человека началось с появления первых представителей вида *homo sapiens*, а история человечества, полагает Фромм, это не что иное, как весь процесс этого рождения. За последние четыре тысячи лет своей истории он выработал представления о человеке, родившемся и пробудившемся в полной мере. Эти представления были изложены великими учителями человечества в Египте, Китае, Индии, Палестине, Греции и Мексике.

Рождение человека первоначально было актом отрицания, осознанием невозможности вернуться к своим истокам, поэтому его пугал каждый шаг на пути в новое существование. Он всегда означал отказ от безопасного, сравнительно знакомого состояния ради нового, еще не освоенного. При каждом следующем шаге, на каждом новом этапе нашего рождения мы всякий раз испытываем страх. «Мы никогда не бываем свободны от двух противоборствующих стремлений: одно из них направлено на освобождение из материнского лона, на переход от животного образа жизни к очеловеченному существованию, от зависимости к свободе; другое нацелено на возвращение в утробу матери, на возвращение к природе, определенности и безопасности. В истории отдельных индивидов и всего человеческого рода прогрессивная тенденция доказала, что она сильнее; однако феномен душевных заболеваний и возврата человечества к состоянию, казалось бы, преодоленному предыдущими поколениями, свидетельствует о напряженной борьбе, которая сопровождает каждый новый шаг рождения»².

Много лет в исторической науке, антропологии, философии господствовала точка зрения, согласно которой труд сделал человека человеком. Человек поднялся над живот-

---

² Фромм Э. Указ. соч. С. 295–296.

ным состоянием только тогда, когда стал производить орудия труда, и производство есть главное его отличие от животных. Однако это положение сейчас представляется недостаточным: согласно данным антропологии, примитивные каменные орудия – топоры, дубины – просуществовали почти миллион лет, не подвергаясь существенным изменениям, и за это время по археологическим раскопкам разных эпох не было замечено никакого усовершенствования техники обтесывания камней.

Животные преуспели здесь значительно больше, оказались более искусными строителями и изобретателями. Бобровые плотины, геометрические ульи, термитники свидетельствуют о том, что животные быстрее прогрессировали в такого рода деятельности, чем человек. Если бы техническое умение было достаточным условием для определения интеллекта, то, по мнению известного американского философа Льюиса Мэмфорда, человек долгое время рассматривался бы как безнадежный неудачник.

Благодаря чрезмерно развитому и постоянно активному мозгу человек с самого начала своего существования обладал большей психической энергией, чем ему необходимо было для выживания на чисто животном уровне. И он должен был давать выход этой энергии не только при добычании пищи и размножении, но и в производстве очень странных вещей: наскальных рисунков, культовых вещей (тотемных столбов, которым поклонялись как духам рода, молитвенных дощечек и т. д.). «Культурная работа» заняла более важное положение, чем утилитарный ручной труд.

Особенно быстро развитие человека пошло с возникновением языка – теперь уже производство «культурных» предметов намного обогнало создание орудий труда и в свою очередь способствовало быстрому развитию техники. Расширяющая границы жизни «культурная работа» заняла более важное положение, чем утилитарный ручной труд. До этого ничего уникального в технической деятельности человека не было, не было ничего специфически человеческого в его орудиях труда. Главным орудием, потрясающим и великолепным, было его тело. Удивительно пластичное, приспособленное к любому виду деятельности, управляемое разумом, оно могло создавать гораздо более важные и сложные вещи, чем примитивные топоры и деревянные колья.

«Даже кисть руки, – полагал Л. Мэмфорд, – была не просто мозолистым и узкоспециализированным орудием труда: она могла гладить тело возлюбленной или возлюбленного, держать младенца поближе к груди, совершать осмысленные жесты или выражать в коллективном ритуале или упорядоченном танце какое-то не поддающееся иному выражению ощущение жизни или смерти, хранящееся в памяти прошлого или тревожного будущего»³.

Любая культурная деятельность человека, любое производство орудий было направлено не столько на подчинение окружающей среды, на увеличение добычи пищи, сколько на укрощение самого себя. Деятельность была направлена на поиски того, как реализовать громадную внутреннюю энергию, суперорганические потенциальные возможности. Когда человеку не угрожало враждебное окружение, его расточительная гиперактивная нервная организация, часто неразумная и неуправляемая, являлась скорее препятствием, чем помощью в его выживании. Контроль над своей психикой с помощью создания символической культуры был более существенным и важным, чем контроль над внешней средой.

Пока человек не сделал нечто из себя самого, он мало что мог сделать в окружавшем его мире. Борьба за существование не завладела полностью энергией и жизнеспособностью первобытного человека и не отвлекла его от более насущной потребности: внести порядок и значение в каждую часть его жизни. В этом смысле ритуал, танец, песня, рисунок, резьба и более всего дискурсивный язык возможно долго играли решающую роль.

Культ и культура

Существуют две точки зрения на происхождение культуры. Согласно первой культура возникла тогда, когда человечество стало обрабатывать (культивировать) почву, согласно второй культура возникает из культа. Ведь в древности и обработка земли была священным актом и выраже-

---

³ Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человека. М., 2001. С. 14–15.

нием культовой деятельности: сеяние зерна – как похороны бога, прорастание зерна – как рождение бога. Хлебопашца связывали с землей глубокие, сакральные отношения, земля была матерью, которая поит, кормит и охраняет заботящегося о ней человека. Обработка земли, уход за животными, воспитание детей, строительство жилища – все было полно таинственного религиозного смысла, все уподоблялось религиозному обряду.

Культ как важнейшая часть культуры, ее внутреннее сакральное ядро преобразует, считал русский философ, богослов, математик Павел Флоренский, естественные, стихийно и случайно возникающие побуждения человека в устойчивые духовные константы его бытия. Он преобразует самого человека из естественного в духовное существо, закрепляет в нем память, любовь, совесть. В качестве примера Флоренский приводил зов Церкви, который мы слышим на каждой панихиде: «Надгробное рыдание творяще песнь “аллилуиа”...», что в переводе на мирской язык означает «превращающе, претворяюще, преобразующе свое рыдание при гробе близких, дорогих и милых сердцу, свою неудержимую скорбь, неизбывную тоску души своей – преобразующе ее в ликующую, торжествующую, победно-радостную хвалу Богу – в “аллилуиа”...»⁴

Назначение культа и, можно сказать, культуры в целом – претворять естественное рыдание, естественный крик радости, естественное ликование, естественный плач и сожаление в священную песнь, в священное слово, в священный жест. Не запрещать естественные движения, не стеснять их, не урезывать богатство внутренней жизни, а напротив – утверждать это богатство в его полноте, закреплять, возвращать. Случайное возводится культом в должное, субъективное просветляется в объективное. Культ претворяет естественную данность в идеальное переживание. «Культ дает исход слезам, подсказывает такие рыдания, каких нам ввек не придумать, – такие адекватные, такие каждому *свои*, каждому личные, – плачет с нами и за нас, слова такие говорит, которые именно – то самое, что хотелось бы нам сказать, но что мы никогда не сумели бы сказать, сло-

---

⁴ Флоренский П.А. Из богословского наследия // Богословские труды. Вып. XVII. М., 1977. С. 136.

вом – придает нашему хаотическому, случайно слагающемуся и, может быть, в нашем собственном сознании еще и неправомерному, мутному индивидуальному горю форму вселенскую, форму чистой человечности, возводит его в нас, а тем – и нас самих в нем – до идеальной человечности, до самой природы человеческой, сотворенной по Христову подобию... И тогда, осветленное и прозрачное, уже не субъективно-личное, а объективно-онтологическое, не случайное, а в Истине предустановленное – горе наше делается двигателем жизни, памятью об усопшем, источником нашего очеловечения»⁵.

Культ (cultus) происходит, по Флоренскому, от *colere* (вращать) – т. е. это круговорот вокруг святой реальности, вокруг святыни, которая сама является неподвижной, абсолютной точкой мира, точкой отсчета. Мое положение в мире определяется моим отношением к святыне. Не только метафизически, но и географически. Определить себя географически, рассуждает Флоренский, значит дать географические координаты широты и долготы, значит иметь какие-то опорные пункты и осознавать свое место относительно них. Например, столько-то градусов долготы от Москвы. Но что такое Москва? Это уже не столько географический, сколько культурный термин. Культурные же определения опираются на культовые, поскольку они требуют, чтобы в конкретной реальности был установлен какой-нибудь смысл, а признание смысла уходит своими корнями в недра культа. Москва – центр России, сосредоточие русского духа, основных святынь и преданий, вокруг которых строится русская история, и т. д. Таким образом, всякая точка в пространстве получает смысл, если на ней лежит печать духа. Само пространство становится осмысленным и доступным пониманию, если в нем есть такие точки, такие «зарубки» духа.

Даже космическое пространство, совокупность светил, может быть названо, выделено, если проникнуто изначально священным осознанием. Геодезия, по мысли Флоренского, держится на астрономии, астрономия – на астрологии, астрология же – на звездопоклонении, а звездопоклонение – на мистическом окружении Безусловного и Вечного, являющегося и в этом смысле как-то воплощенного в звездных сим-

---

⁵ Флоренский П.А. Указ. соч. С. 137–138.

волах. Ведь ориентироваться в пространстве – это значит, по мнению П. Флоренского, установить свое отношение к тем или иным вещам мира. Но установка эта есть действие не внешнее, а внутреннее, есть некий акт разума, а потому оно может обращаться не с внешним как таковым, а лишь с тем, что дано разуму как разумное, разумом проработанное и, следовательно, само доступное такой проработке.

В любой своей деятельности мы в конечном счете пользуемся тем, что дает культ. Если бы мы могли, утверждал Флоренский, вычерпать полностью из своего сознания культовое содержание, то не только лишились бы высших духовных ценностей, но и всех способностей ориентации в мире. Пространство, например, просто свернулось бы, как в свиток, в безразличную среду, не имеющую в себе никаких расчленений, никаких координат, сознанию просто не за что было бы зацепиться.

Не только пространство, но и время производно от культа. Мы живем в ритме праздников. Мы считаем дни и годы: столько-то от Пасхи, столько-то лет от Рождества Христова как начала летосчисления. Уничтожьте все культовые времена – и не станет календаря, извлеките все религиозное содержание из времени – и оно сольется в безразличную среду.

Культура защищает человека от самого себя. Первобытный человек жил в мире, населенном враждебными ему силами: дикими животными, одушевленными вещами, всевозможными демонами, всякой злобной по отношению к человеку нечистью. Все стремления человека направлялись на укрепление оборонительной стены вокруг себя. Первобытный ритуал включал в себя изгнание духов, освобождение от чар, предотвращение недобрых предзнаменований, искупление, очищение и другие магические действия.

Культура – главная причина появления человека

Большой вклад в теорию происхождения человека и его культуры внесли американские ученые Лесли Уайт и Клиффорд Гирц. Устойчивое воспроизводство любого биологического вида, писал Л. Уайт, осуществляется в процессах его размножения путем воспроизводства в каждой

новой особи соответствующего генотипа, что и обеспечивает наличие необходимых видовых признаков у каждого конкретного его представителя и, следовательно, сохранение самого вида. Механизм этого воспроизводства в живой природе реализован на биохимическом уровне – посредством «переписывания» и трансляции «записанной» в молекулах нуклеиновых кислот наследственной информации, причем природа выработала единую для всего живого систему записи этой наследственной информации – генетический код.

Принципиальным отличием вида *Homo sapiens* от других видов живых существ (и в первую очередь от видов, наиболее близких ему в эволюционном ряду) является то, что биологическим путем у него наследуется в сущности лишь устройство, конструкция самого биологического организма. Эта конструкция сама по себе чрезвычайно сложна: совокупность генов, присутствующих в гаплоидном (одинарном) наборе хромосом человеческого организма, около 6,4 терабайт информации. Но человеком *Homo sapiens* становится в результате «включения в работу» других механизмов, они биологически не заданы и осуществляется исключительно посредством обучения и воспитания. Это касается и реализации способности человека к прямохождению (его нужно научить ходить), и способов поддержания своего физиологического состояния (его нужно научить принимать пищу) и овладения им речевым аппаратом, предоставляющим возможность мыслить на том или ином языке и общаться на нем с другими людьми (человека нужно научить говорить), и развития мыслительных процессов (его нужно научить думать), и формирования образцов, моделей соответствующих эмоциональных реакций на те или иные окружающие его объекты и реалии и на свои собственные различные внутренние состояния (его нужно научить чувствовать).

«Все, что мы делаем как человеческие существа индивидуально и коллективно, испытывает на себе глубокое воздействие нашей культуры. Культурой детерминированы и наши привычки в питании, и брачные обычаи, и представления о правильном и неправильном, и каноны красоты, и погребальные обычаи, и наши философские и религиозные представления – одним словом, вся гамма нашей жизни»⁶.

---

⁶ Уайт Л. Избранное: науки о культуре. М., 2004. С. 90.

Носители одного и того же биологического генотипа вида *Homo sapiens* могут являться представителями самых разных культур с существенными, если не принципиальными, различиями в образе жизни, способах ее «технологического оснащения», образцах поведения, характере и способах проявления эмоций и т. д. Иначе говоря, человек становится человеком вне зависимости от характера той конкретной культуры, в которой он формируется, являясь в то же время носителем культурного опыта, специфического именно для данной культуры (английской, французской, немецкой, русской, культуры эскимосов, маори, хопи и т. д.).

«Всякое данное проявление человеческого поведения составляется из двух различных факторов, порождаемых отдельными и независимыми друг от друга источниками. С одной стороны, имеется организм, состоящий из костей, мышц, нервов, желез и органов чувств. Этот организм является единой согласованно действующей целостностью, системой со своими собственными определенными свойствами. С другой стороны, имеется та культурная традиция, в которой рождается организм. Не существует, разумеется, необходимого отношения между организмом новорожденного и тем особым типом культуры, в котором он оказывается при рождении. Он мог бы с одинаковым успехом родиться как в одной культурной традиции, так и в другой – как в тибетской, так и в американской или эскимосской культуре. Однако с точки зрения последующего поведения все зависит именно от типа той культуры, в которой младенец оказался после рождения. Если он рождается в одной культуре, то он будет думать, чувствовать и действовать одним образом; если в другой, то его поведение будет соответственно отличаться»⁷.

К тому же генетическая конституция человека такова, что допускает – при достаточно долгом существовании в иной, отличающейся от «родной» культурной среде – даже

---

⁷ Уайт Л. Указ. соч. С. 136–137. «Человека (как вид) мы можем рассматривать как константу, а культуру – как переменную». А это значит, что те различия в поведении, которые мы наблюдаем между китайцами и русскими, между эскимосами и готтентотами, между монголоидами и людьми кавказской расы, между дикарями и людьми цивилизованными, проистекают скорее из различий их культур,

смену того или иного «программного обеспечения», причем зачастую у весьма взрослой человеческой особи (смену языка мышления и общения, поведенческих манер, характера и способов проявления эмоциональных реакций и т. д.). Более того, генетическая конституция человеческого организма позволяет в исключительных случаях использовать имеющиеся в нем биологические механизмы «внечеловеческим» образом. Биологам и психологам известны сотни случаев воспитания новорожденных человеческих детенышей стаями волков или обезьян, в результате чего, если время пребывания этого детеныша в такой стае было достаточно долгим, формируется существо, ничем (кроме самого биологического устройства организма) не напоминающее человека; причем ни одна из попыток «очеловечивания» такого существа, насколько науке известно, успеха не имела. Таким образом, делает вывод Л. Уайт, культурно-биологическая специфика Homo sapiens отличается тем, что к процессу воспроизводства любого человека биологическим путем необходимо добавляется комплекс соответствующих культурных навыков.

Клиффорд Гирц в книге «Интерпретация культур», в частности, пишет, что образцы поведения низших животных в значительной степени обусловлены их физиологией; генетические источники информации моделируют их действия

чем из биологических – анатомических, физиологических или психологических – различий между ними. А если так, то и сам вопрос об интерпретации человеческого поведения предстанет в совершенно ином свете – весьма отличном от того, в котором он зачастую рассматривался. Вместо того чтобы при объяснении культурных различий между народами апеллировать к тому, что есть люди энергичные, живые, дионисийские и созидательные, а есть люди флегматичные, молчаливые, лишённые воображения и прозаичные, мы заявляем, что различия в поведении разных людей объясняются различиями тех культурных традиций, которые их соответственно стимулируют. Именно поэтому мы и объясняем поведение людей в терминах их культур, однако мы не объясняем и не можем объяснять их культуры в терминах, соответствующих «психологии» этих людей. Специфические «психологии» являются психосоматическими выражениями культур, а не их причинами. Культуры должны объясняться в терминах культуры – скорее культурологически, чем психологически» // Там же. С. 138.

со значительно меньшим числом вариаций, и тем их меньше и тем они менее последовательны, чем на более низкой ступени развития находится это животное. В человеке же внутренне заложены лишь самые общие ответные реакции. Не руководствуясь образцами культуры, человек вел бы себя абсолютно неуправляемо, его поведение представляло бы собой хаос бессмысленных действий и спонтанных эмоций, его опыт был бы совершенно неоформленным. Культура – это не просто украшение человеческого существования, но – и это принципиально важно для определения ее специфики – важнейшее его условие. А потому «...люди без культуры были бы вовсе не умными дикарями из “Повелителя мух” Голдинга, отброшенными назад жестокой мудростью своих животных инстинктов; не были бы они и благородными “естественными людьми” в духе примитивизма эпохи Просвещения, они даже не были бы, как следует из классической теории антропологии, чрезвычайно одаренными обезьянами, которым по некоторым причинам не удалось себя осуществить. Они были бы недееспособными чудовищами, обладающими очень незначительным числом полезных инстинктов и еще меньшим числом чувств при полном отсутствии интеллекта: умственными инвалидами...»⁸

Граница, отмечает Гирц, между тем, что в поведении человека контролируется врожденными механизмами, и тем, что контролируется механизмами культуры, – это граница неопределенная и неустойчивая. Главное, что отличает его от животных, это не его способность учиться (она действительно необычайна), а то, сколь многому и чему именно приходится ему научиться под воздействием культуры (воспитания, образования), прежде чем он сможет самостоятельно функционировать. Наша способность говорить, по К. Гиршу, обусловлена изнутри; способностью говорить по-английски мы обязаны культуре. То, что, реагируя на приятные раздражители, мы улыбаемся, а на неприятные – хмуримся, конечно, до определенной степени обусловлено генетически (даже обезьяны начинают скрести свою морду, когда чувствуют вредный для себя запах); но сардоническая улыбка или нарочито хмурая гримаса точно в такой же степени обусловлены культурой. Он подчеркивает «тотальную

---

⁸ Гирц Кл. Интерпретация культур. М., 2004. С. 61.

зависимость» человека уже не от биологических особенностей его организма, а от процессов присвоения зафиксированного в культуре совокупного опыта его видового существования. «Наши идеи, ценности, действия и даже наши эмоции, так же как и наша нервная система, являются продуктами культуры, изготовленными, конечно же, из материала тех тенденций, возможностей и склонностей, с которыми мы родились, но тем не менее изготовленными⁹.

Главный вывод, который делает Гирц, звучит так: «Без людей не было бы культуры, это точно; но что более примечательно, без культуры не было бы людей».

Культура – это не некая сила, к которой причинно-следственным образом могут быть отнесены явления общественной жизни, поведение индивидов, институты или процессы; она – контекст, внутри которого они могут быть адекватно описаны.

Финальные стадии формирования человека пришлось на ту же великую геологическую эпоху – так называемый ледниковый период, что и начальные стадии его культурной истории. У людей есть дни рождения, но у человека дня рождения нет. «Все это означает, что культура была не прибавлена, если можно так выразиться, к уже готовому или практически готовому животному, но была причастна, и притом самым существенным образом, к производству этого животного¹⁰.

В общем мы, писал Кл. Гирц, неполные, незавершенные животные, которые дополняют, завершают себя посредством культуры. Наши идеи, наши ценности, наши действия, даже наши эмоции, так же как и сама наша нервная система, являются ее продуктами – продуктами, изготовленными, конечно же, из материала тех тенденций, возможностей и склонностей, с которыми мы родились, но тем не менее изготовленными. Шартрский собор сделан из камня и стекла. Но он не просто камень и стекло; он – собор, причем не просто собор, а определенный собор, построенный в определенное время конкретными членами определенного общества. Чтобы понять его значение, его действительную сущность, нужно знание несколько большее, чем

---

⁹ Гирц Кл. Указ. соч. С. 63.

¹⁰ Там же. С. 60.

знание физических свойств камня и стекла, и несколько большее, чем знание того, что является общим для всех соборов. Нужно также знание специфических представлений об отношениях между богом, человеком и архитектурой, которые воплощены в соборе, поскольку именно в соответствии с этими представлениями он и был возведен. То же самое можно сказать в отношении людей: они все до последнего являются артефактами культуры.

«Человек, лишенный культуры, оказался бы, вероятно, не внутренне одаренной и почему-то не реализовавшей свои возможности обезьяной, а абсолютно безмозглым и, стало быть, нежизнеспособным монстром. Подобно кочану капусты, на который он так похож, мозг Homo sapiens, возникший в структурном обрамлении человеческой культуры, вне ее вообще не смог бы существовать»¹¹.

Символ и культура

У некоторых народов сохранился древнейший обряд похорон с участием плакальщиц. Эти люди ведут себя артистически (они и есть артисты) – рвут на себе волосы, бьются головой о гроб, жалобно кричат, хотя на самом деле никаких чувств к покойнику не испытывают, их наняли разыграть действо. Но «спектакль» имеет огромный символический смысл: родственники после такой встряски уже никогда не забудут своих умерших, особенно дети. Этот ритуал способствовал образованию и закреплению памяти, потому что забывать естественно, а помнить – искусственно. То есть я человек, поскольку у меня есть память о смерти, которая постоянно тревожит меня, пугает, волнует, составляет существенную часть моих переживаний. Память не просто о смерти конкретных близких мне людей, но о смерти как символе и о жизни как символе. Без символа человек был бы просто животным. «Все человеческое поведение начинается с использования символов. Именно символ преобразовал наших человекообразных предков в людей и очеловечил их. Все цивилизации порождены и сохраняются только посредством использо-

---

¹¹ Гирц Кл. Указ. соч. С. 82.

вания символов... Человеческое поведение – это символическое поведение; символическое поведение – это человеческое поведение. Символ – это вселенная человеческого»¹².

Среди множества классов предметов и явлений, рассматриваемых современной наукой, есть, полагает Л. Уайт, один, для которого нет названия. Это класс феноменов, связанных с присущей исключительно человеку способностью придавать символическое значение мыслям, действиям и предметам и воспринимать символы. Между умом человека и не-человека имеется фундаментальное различие. Человек использует символы, ни одно другое живое существо этого не делает. Никаких промежуточных степеней здесь нет. Несмотря на сходство поведения, животные не могут вступить в тот мир, в котором живет человек, не причастны к этому миру. У них нет понимания креста у христиан, того, что черный цвет для европейцев – цвет траура, а у японцев траурные одежды белые. Шимпанзе не может понять различия между святой водой и дистиллированной. Не может понять, что такое грех и почему субботу некоторые народы почитают священной.

Например, первобытная семья перед тем как идти на охоту три раза обегала вокруг тотемного столба и пять раз приседала. Считалось, что после этого охота будет удачной. Если смотреть со стороны, это кажется совершенной бессмыслицей. Но люди вводили себя в особое состояние, творили себе невидимых, символических покровителей т. е. совершали чисто культурные человеческие действия, развивали свою специфическую человеческую природу. И это было важным шагом в становлении человека.

Каждое прочувствованное единство культуры покоится на общем языке ее символики. Символом является и сам человек как отдельное лицо и как часть мировой картины природы. Во всякий момент бодрствующей жизни человеческая душа строит из хаоса чувственного космос символически оформленный.

«Чтобы обеспечить себя дополнительной информацией для руководства к действию, мы были вынуждены,

---

¹² Уайт Л.А. Символ: начало и основа человеческого поведения // Антология исследований культуры. Символическое поле культуры. М., 2011. С. 173.

в свою очередь, в большей степени полагаться на культурные источники – аккумулярованную сумму означающих символов. Таким образом, эти символы – не просто выражения, инструменты или аккумулярованная сумма нашего биологического, психологического и социального бытия; они – его предпосылки...»¹³

Эти символы как источники света столь необходимы человеку для ориентирования в мире потому, что несимволические источники, органически заложенные в его теле, дают освещение слишком рассеянное. У человека есть от рождения лишь самые общие реакции, которые хотя и делают возможной большую пластичность, сложность и – в тех отдельных случаях, когда все происходит так, как положено, – эффективность поведения, тем не менее регулируют это поведение гораздо меньше.

«Неруководимое моделями, поставляемыми культурой, – упорядоченными системами значимых символов, – поведение человека было бы практически неуправляемым (в самом деле, было бы просто хаосом бессмысленных действий и спонтанных эмоций), а его опыт – практически неоформленным. Культура, аккумуляруемая совокупность таких моделей, представляет собой не простое украшение человеческого существования, но главную основу его специфичности и необходимое его условие»¹⁴.

Символ можно определить как вещь, ценность или значение, которое придается ей тем, кто ею пользуется. Значение символа нельзя извлечь из свойств, присущих его физической форме. Все символы должны иметь физическую форму, иначе они не были бы доступны нашему опыту. Но значение символа не может быть обнаружено путем простого наблюдения его физической формы. Смысл символа можно постичь только символическими средствами. Символ есть только тогда, когда есть различие между его значением и физической формой. Иначе он не символ, а знак.

Символ – это предмет или явление, значение которого определяет тот, кто использует его в качестве средства коммуникации. Однако наиболее важной формой символического выражения является членораздельная речь. Человек наде-

---

¹³ *Гири Кл.* Указ. соч. С. 57.

¹⁴ Там же. С. 57–58.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru